

Это была история, вырезанная женщиной. На стене рассказывалось о её судьбе. Женщина, преданная своей любви, попала в тюрьму вместо мужа. Её муж клялся, что спасёт её, но она провела в камере смертников целый год и даже перед казнью её так и не спасли, и она не увидела мужа. Каждое слово было вырезано словно сквозь слёзы. Се Чжань почти мог представить, как эта женщина медленно теряла надежду в этом холоде, переходя от ожидания к отчаянию, от любви к ненависти, всего за один год.

Это была обычная история о предательстве: мужчина оказался неверным, а женщина поверила не тому. Однако Се Чжань даже завидовал этой женщине. Она хотя бы могла винить и ненавидеть, а у него не было даже такого человека.

Се Чжань сидел в камере смертников и на мгновение потерял счёт времени.

Он потратил почти половину своей жизни, но так и не добился взгляда Хуань Линя. Все его надежды и мечты теперь должны были закончиться. Он сделал всё это добровольно, поэтому не мог винить других. Хуань Линь никогда не давал ему обещаний, поэтому, когда тот взошёл на трон, а он оказался в камере смертников, один на вершине славы, а другой на краю гибели, он не чувствовал ненависти.

Се Чжань прожил почти тридцать лет, и с пятнадцати до двадцати восьми он понял одну вещь: не стоит мечтать о том, что недоступно.

Не борись, не проси, не думай, не желай — только так можно стать неуязвимым.

За эти годы он давно должен был понять это, но только теперь, сидя в камере смертников, он окончательно осознал.

У него не было близких, его любимый человек уже оставил его, поэтому в этом мире ему нечего было терять, и смерть больше не казалась страшной. Напротив, он даже начал ждать её.

Се Чжань забыл, сколько времени он уже сидел. Его ноги полностью онемели, а тело больше не чувствовало холода. Иногда ему казалось, что его душа уже покинула тело, а здесь осталась лишь оболочка.

Феникс, феникс, возвращайся в родные края, странствуй по четырём морям в поисках своей пары. Циня под рукой не было, но мелодия звучала в его сердце. Он закрыл глаза, и музыка зазвучала в его ушах.

Так проходили дни в камере смертников.

Иногда охранники думали, что единственный заключённый здесь не похож на человека, ожидающего смерти. Его лицо было слишком спокойным, словно он просто собирался на пир.

Но его лицо становилось всё бледнее с каждым днём, тело — всё тоньше, а жизнь постепенно уходила из него.

Он выглядел жалко, но охранники всё равно не решались подойти близко. Имя «фаворит Се Чжань» вызывало у них страх. В их глазах он был как лиса-оборотень, которая могла увлечь за собой душу.

Но иногда приходилось приближаться.

Однажды дверь камеры внезапно открылась, и охранник вошёл с коробкой еды, бросив её перед Се Чжанем:

— Ешь!

Се Чжань уже много дней питался лишь холодными лепёшками, и такая обильная еда была редкостью. Он медленно поднял голову и посмотрел на охранника.

Се Чжань по-прежнему был одет в белые одежды, которые, несмотря на тюремную грязь, оставались чистыми. Он и так был худым, но за эти дни его щёки совсем впали. Однако это не делало его непривлекательным, наоборот, его подбородок стал более острым, а глаза казались ещё больше. Весь его облик излучал хрупкость, вызывая желание защитить его.

Охранник на мгновение потерял голову, но, вспомнив о репутации Се Чжаня, быстро пришёл в себя и снова принял суровый вид:

— Сегодня день коронации императрицы. Император и императрица счастливы, и всем заключённым выпала удача. Это, возможно, ваш последний обед, так что ешьте досыта.

Охранник почти убежал. Се Чжань остался сидеть, спокойно глядя на коробку с едой, но так и не притронулся к ней.

Через несколько дней Се Чжань увидел единственного человека, о котором беспокоился. Шофэн, которого ещё ребёнком продали в дом Се, прошёл через множество испытаний, но сохранил в себе наивность. Он легко верил людям, как когда-то поверил обещаниям Се Чжаня о богатстве и безропотно служил ему тринадцать лет. Позже Хуань Линь пообещал ему высокий пост, и он наивно ждал этого пять лет. Се Чжань чувствовал, что, умирая, он больше всего переживает за этого ребёнка.

Но за несколько дней Шофэн изменился. Юноша был одет в чёрный халат, волосы собраны в пучок, а тело стало крепким и высоким. Это был не тот наивный ребёнок, которого он помнил. Его когда-то ясные глаза теперь были скрыты под слоем тьмы. За несколько дней Шофэн стал более зрелым и спокойным.

Тюрьма была строго охраняема, и Се Чжань не знал, как Шофэн смог проникнуть внутрь. Они стояли по разные стороны решётки. Шофэн сел у двери, его тёмные глаза пристально смотрели на Се Чжаня.

— Господин, император женился, — сказал Шофэн.

Се Чжань, глядя на его жалкий вид, не мог не улыбнуться. Ещё мгновение назад он думал, что Шофэн повзрослел.

— Я пробрался внутрь и увидел, что императрица даже не так красива, как вы, — пробормотал Шофэн.

Даже если Се Чжань уже не испытывал чувств, он не хотел слышать о Хуань Лине. Ему было неинтересно, кто эта «не такая красивая» императрица, и он сказал:

— Документы на усадьбу в Дуншане и твой договор о продаже лежат в ящике у моей кровати. Ключ под подушкой. Если тебе не нравится Цзянькан, найди другое место и женись.

Се Чжань долго говорил, а Шофэн внимательно слушал, запоминая каждое слово.

Когда Шофэн вышел из тюрьмы, он сделал несколько шагов, а затем замер. Он обернулся, посмотрел на мрачную тюрьму, и его лицо исказилось от горя. Затем раздался глухой, разрывающий душу плач.

Этот медлительный юноша наконец понял, что слова Се Чжэня звучали как прощание.

Многие люди и вещи меняются. Тот, кого ты когда-то так хотел увидеть, вдруг становится человеком, на которого больно смотреть. Для Се Чжэня теперь самым нежеланным человеком был Хуань Линь и все, кто с ним связан.

Но он не ожидал, что перед смертью увидит новую императрицу.

Он сидел, прислонившись к стене, и поднял голову, чтобы увидеть женщину за решёткой. Она была одета в красное платье, на плечах — чёрный плащ. Её лицо было прекрасным, как цветущий персик, но не вульгарным, а скорее как зимняя слива, излучающая изысканную красоту. Её благородство было естественным, и она смотрела на Се Чжэня, как на человека, упавшего в прах.

Се Чжэнь посмотрел на неё, и ему показалось, что он где-то её видел. Обрывки воспоминаний мелькнули в его голове, и он вспомнил женщину, сидевшую рядом с Хуань Линем много лет назад. Он видел её лишь мельком, но запомнил.

Се Чжэнь прикрыл лицо рукой, и тихий смех вырвался из его горла.

Он не ожидал, что императрицей Хуань Линя станет не представительница семей Ван или Се! Только императрица из этих семей могла укрепить власть нового императора. Как это возможно?

Но факт был налицо. Судя по словам Хуань Линя, эта женщина была обычной и не могла помочь ему в его восхождении на трон. Тем не менее почти сразу после коронации он сделал её императрицей.

Пять лет прошло, и, видимо, Хуань Линь не всегда действовал расчётливо и не был таким холодным, как казалось. Просто это касалось не всех.

Смех Се Чжэня был одновременно грустным и радостным, а может, и вовсе лишённым эмоций. Женщина нахмурилась.

Внезапно Се Чжэнь перестал смеяться, и его лицо снова стало бесстрастным. Он выглядел почти как сумасшедший.

Охранники, обычно бродившие по тюрьме, исчезли, и в камере смертников остались только императрица и Се Чжэнь. Холодный ветер проникал сквозь щели, и Се Чжэнь почувствовал холод. Он проникал в кости, словно предвещая что-то.

<http://bllate.org/book/16364/1479620>